

©2025 К.Е. МОРОЗОВ

САМОПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ТЕЛЕСНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

Морозов Константин Евгеньевич — младший научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.
ORCID 0000-0003-3677-801X
lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Аннотация. Какой нормативный подход к биоэтике способен лучше всего объяснить и обосновать повсеместно распространенные моральные интуиции? Либертарианцы утверждают, что это принцип самопринадлежности, который наделяет всех людей естественным правом собственности на свое тело. Подобное право объясняет недопустимость физических посягательств на тело человека, принудительного труда и жесткого патернализма. Но это также влечет ряд интуитивно неправдоподобных следствий, вроде неограниченного права на продажу собственных органов или самого себя в рабство, абсолютного характера прав собственности на величественные объекты, отсутствия позитивных обязанностей помогать другим и недопустимости даже мягкого патернализма или налогообложения труда. Либертарианцы считают, что мы должны принять эти следствия, чтобы сохранить собственную последовательность. Эта статья формулирует и обосновывает альтернативный подход — принцип телесной целостности. Этот принцип, помещенный в более широкий контекст теории естественного права, объясняет и обосновывает распространенные интуиции, не допуская континтуитивных следствий. Он утверждает, что все люди несут универсальное обязательство не повреждать намеренно базовые общечеловеческие блага в жизни как самих себя, так и других людей. Телесная целостность является

одним из таких базовых благ. Превосходство этого принципа в том, что он лучше согласуется с нашими представлениями о моральном статусе детей и людей с когнитивными нарушениями. Затем в статье анализируются следствия описанных подходов к проблеме донорства органов. В то время как самопринадлежность предполагает радикальные реформы в этой сфере, включая легализацию коммерческих рынков человеческих органов, телесная целостность ведет к более умеренному законодательству в этой сфере, которое уже действует в ряде стран.

Ключевые слова: самопринадлежность, телесная автономия, телесная целостность, либертианство, патернализм, естественные права, права собственности, донорство, биоэтика, благополучие.

Ссылка для цитирования: Морозов К.Е. Самопринадлежность и телесная целостность // Человек. 2025. Т. 36, № 2. С. 73–89. DOI: 10.31857/S0236200725020048

Современные практики донорства и трансплантации органов ставят перед биоэтикой ряд нетривиальных вопросов. Каков нормативный статус донорства? Каковы пределы человеческой автономии в распоряжении собственным телом? Возможна ли коммерческая продажа человеческих органов? Должно ли государство способствовать равенству в доступе к донорским ресурсам? Допустимо ли вмешательство в отношения доноров и реципиентов?

Биоэтики предложили различные ответы на эти значимые вопросы. Одним из особенно влиятельных ответов является доктрина самопринадлежности. Ее сторонники, называющие себя «либертианцами», утверждают, что все люди имеют естественное право собственности на свое тело, а потому могут распоряжаться им любым способом, который не нарушает права других людей. С этой точки зрения, нет ничего неправильного в донорстве или даже коммерческой продаже органов при условии, что отношения между донорами и реципиентами являются добровольными [Block, 2003; Taylor, 2007].

На первый взгляд, самопринадлежность может показаться крайне интуитивной и заманчивой моральной доктриной. Ее сторонники утверждают, что самопринадлежность обеспечивает наиболее теоретически экономное и правдоподобное объяснение неправомерности похищений, убийств, пыток, изнасилований,увечий, порабощений и жесткого патернализма. Но вместе с тем сторонники самопринадлежности утверждают и ряд более спорных следствий, включая право продавать свои органы или себя в рабство, отсутствие позитивных обязательств помогать другим, недопустимость даже мягкого патернализма и налогообложения.

Либертарианцы считают, что мы обязаны принять эти контрингутитивные следствия, чтобы последовательно осуждать неправомерные покушения на тело человека и его автономию.

Цель этой статьи — опровергнуть либертарианский тезис о концептуальной необходимости самопринадлежности. Как мы про демонстрируем, более правдоподобной альтернативой является доктрина телесной целостности, которая одновременно объясняет неправомерность покушений на тело, но не влечет дополнительных контрингутитивных выводов¹. Затем мы проанализируем, какие следствия эта доктрина имеет для современных практик донорства.

К.Е. Морозов
Самопринадлежность и телесная целостность

Принцип самопринадлежности

Идея самопринадлежности имеет давнюю историю. Первое детальное рассмотрение эта концепция получила в книге «Самопринадлежность, свобода и равенство» Джеральда Коэна [Cohen, 1995; Коэн, 2020], однако ее корни обнаруживаются у классических либералов, в первую очередь — Джона Локка [Локк, 2020: 250]². Сегодня самопринадлежность ассоциируется с либертарианством, которое претендует на преемство с классическим либерализмом [Mack, Gaus, 2004].

Самопринадлежность — это естественное право собственности каждого человека на свое тело. Оно включает права контролировать собственное тело, разрешать или запрещать взаимодействия с ним, защищать свое тело от физических нападений и требовать компенсацию со стороны нарушителей этих прав [Vallentyne et al., 2005: 203–204]. «Естественность» этого права означает, что люди обладают им в силу своей природы, а потому это право не зависит от государственных законов и даже ограничивает допустимость государственной политики.

Наиболее известное и влиятельное обоснование самопринадлежности сформулировал Роберт Нозик в своей книге «Анархия, государство и утопия» [Нозик, 2020]. Нозик обращается к кантианскому категорическому императиву, утверждая, что самопринадлежность следует из запрета обращаться с другими людьми как простыми средствами [там же: 54; Taylor, 2004; Carter, 2019]. Впоследствии Нозик критиковался за несколько вольное

¹ Критику самопринадлежности также см.: [Cohen, 1995; Lippert-Rasmussen, 2008; Sobel, 2012; Fried, 2020]. Аргумент в этой статье отличается от тех, что выдвигались ранее, хотя и не исключает другие линии критики. Наиболее близкую к представленной в статье критику самопринадлежности предложила Маргарет Джейн Радин [Radin, 2001].

² Коэн находит корни самопринадлежности также в социалистической традиции и, в частности, у Карла Маркса [Коэн, 2020: 103–106].

прочтение Канта [Чалый, 2014; Teuber, 1983; Bardon, 2000; Varden, 2016].

Отвечая на критику, выдвинутую против Нозика, Джейсон Брэннан и Бас ван дер Воссен утверждают, что аргумент в пользу самопринадлежности следует читать не как развитие идей Канта, а как пример «ревизионного интуиционизма» [Brennan, van der Vossen, 2018; Huemer, 2008]. Эта точка зрения утверждает, что последовательное применение повсеместно распространенных моральных интуиций привело бы к пересмотру значительной части нашей обыденной морали. Ревизионные интуиционисты считают, что нам нужна идея самопринадлежности, чтобы объяснить наши обыденные моральные интуиции. Если человек обладает правом собственности на свое тело, то любые физические воздействия на это тело без согласия собственника недопустимы. Это объясняет неправомерность убийств, избиений, пыток, похищений, изнасилований и т.д. При этом самопринадлежность включает право на самозащиту, что объясняет оправданность физического вреда неправомерному агрессору.

Самопринадлежность также объясняет моральные интуиции против жесткого патернализма. Многие признают, что люди должны автономно принимать решения, касающиеся их тел. Многие также допускают, что иногда люди имеют право наносить вред своему организму, например, употребляя табак, алкоголь и фастфуд, а государство не должно жестко вмешиваться в подобный выбор. Немало людей также отвергают идею, что государство имеет право принуждать своих граждан к заботе о своем здоровье, например, обязывая всех людей заниматься спортом и посещать врачей³.

Также самопринадлежность легко объясняет неправомерность принуждения к труду, будь то в форме рабства или всеобщей трудовой повинности⁴. Если руки принадлежат человеку, то и труд этих рук принадлежит ему. Принуждать человека использовать руки любым способом, на который он не давал согласие, значит нарушать его право самостоятельно распоряжаться ими.

В то же самое время самопринадлежность может объяснить «моральную магию согласия» [Hurd, 1996]. Часто согласие — это все, что требуется, чтобы сделать морально неправильное действие допустимым. Бить других людей неправильно, если только они не согласились поучаствовать с вами в боксерском поединке. Отстригать

³ Либертарианские патерналисты допускают, что государство может косвенно воздействовать на условия выбора, чтобы подтолкнуть людей к заботе о своем здоровье, не вмешиваясь в их выбор [Sunstein, Thaler, 2003; 2009].

⁴ Хотя никто из современных философов не оправдывает принудительное рабство, Сесиль Фабре и Лука Станчик поддержали идею трудовых обязанностей перед государством [Fabré, 2008; Stanczyk, 2012].

волосы другим людям неправильно, если только они сами не согласились на это. Недопустимо требовать от людей выполнения какой-либо работы, если только они сами не согласились на нее, заключив с вами трудовой договор. Попытка заняться с кем-то секундом будет являться изнасилованием, если потенциальный партнер не дал на это согласие. Самопринадлежность объясняет подобную морально-преобразующую силу согласия. Если человек является собственником своего тела, то он уполномочен решать, какие действия по отношению к его телу являются допустимыми, а какие — нет. Согласие же является надежным показателем того, какие действия с собственным телом человек одобряет, а какие — нет.

К.Е. Морозов
Самопри-
надлежность
и телесная
целостность

Контринтуитивные следствия самопринадлежности

Таким образом, сторонники самопринадлежности выстраивают свою аргументацию на довольно интуитивных предпосылках. Утверждая этот набор распространенных моральных интуиций, либертарианцы затем говорят, что право собственности человека на свое тело — это наиболее теоретический экономный способ объяснить весь этот набор интуиций. После этого, однако, они переходят к более спорным следствиям самопринадлежности.

Во-первых, либертарианцы традиционно отрицают какие-либо позитивные обязанности помочь другим, даже когда такая помощь ничего или почти ничего не стоит для помогающего [Narveson, 2013: 382; Mack, 2010: 62]. В примере Питера Сингера с тонущим ребенком человек, от которого ожидается, что он без каких-либо рисков для собственной жизни спасет ребенка, не несет никаких моральных обязательств помочь ребенку, как считают либертарианцы [Сингер, 2019]. Если человек волен самостоятельно распоряжаться своим телом, то он имеет право на то, чтобы отказываться предоставить другим любую помощь, даже когда она не налагает на него никаких значительных издержек.

Некоторые сторонники самопринадлежности пытались модифицировать ее с учетом позитивных обязательств перед другими [Bryan, 2019; Cudd, 2019; Spafford, 2022]. Другие предполагали, что у людей есть позитивные обязательства помочь другим, но у других нет прав требовать эту помощь [Steiner, 2022: 231]. Однако большинство либертарианцев просто утверждали, что принуждение кого-то к помощи другим значительно хуже, чем неоказание подобной помощи [Нозик, 2020: 288].

Во-вторых, либертарианцы считают налогообложение трудового дохода грабежом или даже рабством [там же: 216; Ротбард,

2009: 33; Feser, 2000]. С этой точки зрения, доход от труда является продуктом этого труда и на него распространяются те права, которые человек имеет на сам труд. Соответственно, любое принудительное изъятие этого дохода, включая налогообложение, недопустимо, даже если такое налогообложение необходимо, чтобы финансировать государство, занимающееся защитой прав.

Некоторые либертарианцы заходят так далеко в своем непринятии налогообложения, что делают из принципа самопринадлежности анархистские выводы. Например, Мюррей Ротбард считал, что, поскольку любое государство принуждает своих граждан к налогообложению, мы должны отказаться от института государства и заменить его на систему конкурирующих охранных агентств, финансируемых добровольными платежами [Ротбард, 2009: 374]. Другие либертарианцы все же допускают налогообложение, но лишь при условии, что налоговый бюджет будет расходоваться исключительно на защиту прав налогоплательщиков [Mack, 2011]. Третьи отрицают допустимость налогов на трудовой доход, но поддерживают налоги на владение природными ресурсами [Vallentyne et al., 2005; Steiner, 2022]. Немногие также поддерживают более ограниченную версию самопринадлежности — «самопринадлежность контроля», — которая включает права распоряжаться своим телом, но не права на доход от труда [Christman, 1994; Taylor, 2005; Widerquist, 2013].

Радикальные либертарианцы также утверждают, что самопринадлежность делает права собственности на внеличностное имущество практически абсолютными. Распространенные интуиции свидетельствуют в пользу того, что человеческое тело имеет особый моральный статус и посягательства на него особенно плохи. Но если права, защищающие тело, ничем не отличаются от прав, защищающих внеличностные объекты, то значит и внеличностная собственность имеет такой же особый моральный вес [Wheeler, 2000]⁵.

В-третьих, некоторые либертарианцы поддерживают право на добровольную продажу самого себя в рабство [Нозик, 2020: 403; Block, 2003; Kershner, 2003; Vallentyne et al., 2005: 208; Frederick, 2014]. Если тело — это всего лишь объект собственности, то нет причин, почему этот объект не может быть продан

---

⁵ Как ни парадоксально, Каспер Липперт-Расмуссен также утверждает, что между правами на тело и на внеличностное имущество нет моральной разницы, но интерпретирует это как причину отвергнуть самопринадлежность [Lippert-Rasmussen, 2008]. Напротив, Иэн Картер выстраивает свой аргумент в пользу самопринадлежности именно на утверждении, что человеческое тело имеет особый моральный статус, не свойственный внеличностным объектам [Carter, 2019].

кому-то другому. Самопринадлежность запрещает принудительное рабство, но не добровольное. Либертарианцы, поддерживающие рабские контракты, также утверждали, что право на такую продажу является всего лишь логическим развитием права на заключение любых трудовых договоров. Однако стоит отметить, что некоторые либертарианцы все же отрицают право самопорабощения, либо из-за неотчуждаемости психологического контроля над телом [Ротбард, 2019], либо из-за особой ценности автономии [Grunebaum, 2000], либо из-за религиозных соображений [Локк, 2020: 246; Olsthoorn, 2020].

В-четвертых, либертарианцы отрицают не только жесткий, но и любой патернализм. Обычно даже убежденные противники патернализма признают, что вмешательство в выбор человека может быть оправдано в особых случаях, таких как попытки самоубийства [Cholbi, 2002; 2013]. Однако, с точки зрения либертарианцев, нет ничего неправильного в самоубийстве, поскольку это всего лишь способ распорядиться своим телом [Steiner, 2022: 230]. Поэтому любые попытки вмешаться в выбор самоубийцы, чтобы спасти его жизнь, запрещены самопринадлежностью.

Эти лишь некоторые континтуитивные следствия самопринадлежности. Либертарианцы, настаивающие на принятии этой доктрины, считают, что последовательность требует от нас принять эти выводы, поскольку это единственный способ обеспечить надежный фундамент нашим более устойчивым интуициям. Доктрина самопринадлежности ставит нас перед дилеммой: мы должны либо отвергнуть наши интуиции о неправомерности физических посягательств, принудительного труда и жесткого патернализма, либо принять выводы об отсутствии позитивных обязательств, недопустимости налогообложения, допустимости добровольного рабства и самоубийства. Но каждый из двух путей вступает в противоречие с нашими повсеместными моральными убеждениями.

Телесная целостность

Решение дилеммы, перед которой нас ставят либертарианцы, состоит в том, чтобы предложить альтернативу самопринадлежности. Иная моральная доктрина может обеспечить фундамент для тех же интуитивных ограничений, которые связаны с самопринадлежностью, но при этом такая доктрина не будет допускать тех неправдоподобных следствий, которые влечет за собой самопринадлежность. Такой альтернативой является доктрина телесной целостности.

К.Е. Морозов
Самопринадлежность и телесная целостность

Мы можем определить телесную целостность как базовое общечеловеческое благо, которое состоит в обладании здоровым и хорошо функционирующим телом. «Базовое благо» в данном случае означает такое благо, которое ценится ради себя самого, а не ради чего-либо еще. «Общечеловеческое благо» же означает, что это благо одинаково ценно для всех людей в силу их природы, а не чьих-либо персональных вкусов, желаний или предпочтений.

Идея базовых благ играет важную роль в теории нового естественного права (New Natural Law Theory; сокр: NNL), согласно которой существует набор таких благ, которые составляют объективное благополучие для всех людей в силу их природы и независимо от личных предпочтений⁶. Помимо них существуют принципы практической разумности, которые руководствуют достижением базовых благ. Эти принципы запрещают намеренное повреждение или уничтожение базовых благ, в чьей бы жизни они не реализовывались. Подобный запрет наделяет всех людей по меньшей мере негативным естественным правом против повреждения базовых благ, которые реализуются в их жизни⁷.

Этот запрет в сочетании с признанием блага телесной целостности может обеспечить подходящую альтернативу самопринадлежности. Право на телесную целостность объясняет неправомерность любых посягательств на человеческое тело. При этом подобное право также оставляет пространство для допустимой самообороны, поскольку теория NNL признает доктрину двойного следствия [Скворцов, 2018], которая допускает повреждение какого-либо базового блага как ненамеренное побочное следствие, когда это необходимо для защиты другого блага.

Но, на первый взгляд, телесная целостность не столь успешно объясняет неправомерность принудительного труда и жесткого патернализма. Когда принудительный труд не связан с физическими наказаниями или жестким обращением, такое принуждение не покушается на благо телесной целостности. Но рабство проблематично вне зависимости от того, насколько хорошо рабовладелец обращается со своими рабами [Петтит, 2016: 61–62]. В случае же жесткого патернализма и вовсе может показаться, что телесная целостность требует патернистских вмешательств, поскольку эта доктрина запрещает повреждать это благо не только в чужой, но и

⁶ Один из ведущих теоретиков NNL, Джон Финнис рассматривает телесную целостность как компонент блага жизни [Финнис, 2012: 118–120]. Марта Нуссбаум считает телесную целостность независимым благом [Nussbaum, 2011: 33–34]. Хотя Нуссбаум, строго говоря, не является теоретиком NNL, многие отмечали ее близость этому подходу [Goldstein, 2011: 464].

⁷ Обоснование такого запрета см.: [Финнис, 2012; Murphy, 2001; Crowe, 2019].

своей собственной жизни, что дает третьим лицам право вмешиваться в автономию человека, чтобы помешать ему навредить самому себе. Телесная целостность — это не то же самое, что и телесная автономия, это благо необязательно предполагает, что человек вправе свободно распоряжаться своим телом. Этот последний пункт также показывает, что телесная целостность, на первый взгляд, не столь успешна в объяснении «моральной магии согласия».

Однако теория NNL, рассмотренная в более широком контексте, может обеспечить прочную основу и для этих нормативных интуиций. В первую очередь важно учитывать, что телесная целостность — это не единственное базовое благо. И один из важнейших принципов практической разумности для теоретиков NNL — несоизмеримость базовых благ [Финнис, 2012: 140–142]. Каждое из них достойно реализации и ни одно из них не должно намеренно приноситься в жертву ради другого. Поэтому жесткий патернализм недопустим, даже когда он направлен на защиту блага телесной целостности, потому что он приносит в жертву другие важные блага: либо саму практическую разумность, целью которой является власть над собой⁸, либо самоуважение, либо контроль над собственным окружением.

Эта множественность благ объясняет, почему жесткий патернализм недопустим. Ведь даже если человек, вредящий самому себе, совершает что-то неправильное, это не значит, что для других будет правильно жестко вмешиваться в его выбор, потому как это также будет повреждением базовых благ. Этот плюрализм также объясняет, почему принуждение к труду без физических посягательств неправомерно, ведь оно вредит другим важным благам, помимо телесной целостности. И даже ограниченная морально-преобразующая сила согласия может быть объяснена особой ролью блага практической разумности. Ведь ее принципы допускают отказ от одних благ в пользу других при условии, что ни одно благо намеренно не повреждается [Crowe, 2019: 59].

Столкновение двух доктрин

Таким образом, самопринадлежность и телесная целостность могут предоставить схожий набор выводов касательно первого,

К.Е. Морозов
Самопри-
надлежность
и телесная
целостность

⁸ Выражение «власть над собой» используется в русскоязычном переводе Финниса [Финнис, 2012: 213], тогда как в оригинале используется *self-possession*. Формулировка Финниса напоминает «самопринадлежность» (*self-ownership*), но власть над собой ограничена требованиями практической разумности (уважением ко всем благам), а самопринадлежность не предполагает таких ограничений.

распространенного набора интуиций. Однако мы должны отдать предпочтение телесной целостности, потому что она позволяет нам избежать контринтуитивных следствий самопринадлежности. Главное различие двух доктрин касается того, как они понимают функцию прав. Сторонники самопринадлежности принимают теорию выбора: иметь право в отношении действия Φ означает быть уполномоченным решать, должно ли Φ быть реализовано или нет [Steiner, 2022: 230]. Эта теория, по нашему мнению, лучше соответствует идею прав собственности — она оставляет на усмотрение собственника то, как допустимо обращаться с его собственностью.

Напротив, теоретики NNL отстаивают теорию интереса: иметь право в отношении Φ означает быть заинтересованным в реализации Φ [Crowe, 2019: 99]. При этом заинтересованность в Φ здесь не понимается (по крайней мере, не с необходимостью) как субъективное оценочное отношение к Φ . Некто может не считать, что реализация Φ соответствует его интересам, однако все равно иметь подобный интерес, потому что реализация Φ является для него объективным благом. С точки зрения NNL, естественные права защищают интерес в реализации базовых благ.

Теория интереса имеет ряд преимуществ перед теорией выбора [Steiner et al., 2000]. Не утруждаясь перечислением их всех, мы можем остановиться на наиболее явном. Теория интереса лучше объясняет и обосновывает моральные притязания тех людей, которые не имеют способностей к рациональному выбору. Теория выбора предполагает, что правами могут обладать лишь те люди, которые способны на автономный выбор, а потому она отрицает права всех, кто по каким-то причинам не развил или утратил такую способность. К ним относятся эмбрионы, дети, а также люди с когнитивными поражениями. Теория интереса же связывает обладание правами лишь с заинтересованностью в базовых благах, которая есть у детей и людей с когнитивными поражениями, хотя остается спорным, обладают ли подобным интересом эмбрионы [Хольм, Льюис, 2024: 125].

И если мы примем теорию интереса в сочетании с доктриной телесной целостности, то мы сможем избежать контринтуитивных выводов самопринадлежности. Поскольку для людей неправильно вредить не только другим, но и себе, это объясняет, почему иногда патерналистское вмешательство допустимо, чтобы помешать человеку убить себя или как-либо иначе серьезно навредить своему благополучию. Это также объясняет, почему для людей недопустимо отказываться от собственной автономии, заключая рабские контракты. И эта теория не предполагает, что налогообложение трудового дохода недопустимо, поскольку право на физически здоровое тело ничего не говорит о полных правах

на продукты своего труда. Наконец, в тех случаях, когда кто-то может помочь другому без значительных издержек для себя, теория интереса может требовать такой помощи. Потому что неоказание такой помощи подрывает блага для тех, кто в ней нуждается, но ее оказание никак не вредит тем, кто ее оказывает. Таким образом, телесная целостность лучше согласуется с обыденными моральными интуициями и избегает неправдоподобных следствий, что означает невозможность обосновать самопринадлежность на основе этического интуиционизма.

К.Е. Морозов
Самопринадлежность и телесная целостность

Следствия для биоэтики

Следствия самопринадлежности для биоэтики довольно радикальны: она предполагает, что люди могут свободно торговать своими органами или жертвовать ими без каких-либо ограничений со стороны государства. Но каковы следствия из доктрины телесной целостности? В первую очередь эта доктрина запрещает людям наносить вред собственному благополучию, что уже значительно ограничивает практики донорства. На первый взгляд, телесная целостность может вести даже к полному запрету подобных практик, поскольку доноры не должны вредить своему благополучию, независимо от того, жертвуют ли они своими органами или продают их.

Однако теория NNL, лежащая в основе этой доктрины, признает, что иногда повреждение одного блага может быть допустимо как побочный эффект при защите другого важного блага. Если жертвование органов необходимо, чтобы спасти человеческую жизнь, то какой-то вред может быть оправдан. Питер Катальдо формулирует четыре условия, которые делают жертвование одним благом ради другого допустимым [Cataldo, 2022: 3]. Во-первых, целью действия должно быть именно сохранение блага, а не что-либо иное. Во-вторых, намерением действия также должно быть сохранение блага. В-третьих, сохранение блага не должно достигаться за счет действий, которые по своей природе являются злыми (например, как убийство). В-четвертых, повреждение какого-то блага является единственным способом спасти соразмерное по своей значимости благо. Иногда к этим условиям добавляют пятое: человек, идущий на подобную жертву, должен стремиться минимизировать наносимый вред.

Это влечет несколько значимых выводов для биоэтики. Во-первых, это запрещает или по меньшей мере сильно ограничивает коммерческую продажу органов. Ведь повреждать благо телесной целостности для человека может быть допустимо только ради защиты блага жизни для кого-то другого, но не ради денег, которые

являются не базовым, а инструментальным благом. Во-вторых, жертвование органов допустимо лишь при условии, что издержки, которые в результате понесет донор, сопоставимы с теми рисками, которым подвергается реципиент в случае непредоставления ему органа. Например, согласиться на заметное ухудшение качества всей оставшейся жизни может быть разумно лишь в случае, когда речь идет о спасении жизни другого. В-третьих, в тех случаях, когда трансплантация никому не вредит (например, когда донор мертв), нет никаких ограничений на донорство, поскольку это позволит сохранить важные блага. Самопринадлежность же допускает донорство от мертвых людей только в том случае, если они дали прижизненное согласие на такое изъятие (презумпция несогласия)⁹.

Выводы, которые доктрина телесной целостности влечет для биоэтики, не столь радикальны, как в случае самопринадлежности. Действительно, описанные выше ограничения в целом соответствуют правовым нормам, которые на данный момент действуют в России [Закон РФ, 1992]. Этот факт лишний раз свидетельствует в пользу того, что именно доктрина телесной целостности, а не самопринадлежность лучше всего объясняет и обосновывает набор повсеместных нормативных интуиций о посягательствах на человеческое тело¹⁰.

Self-Ownership and Bodily Integrity

Konstantin E. Morozov

Junior Research Fellow.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., 109240 Moscow, Russian Federation.

ORCID 0000-0003-3677-801X

lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Abstract. Which normative approach to bioethics can best explain and justify the widespread moral intuitions? Libertarians claim that it is the principle of self-ownership, which confers on all persons a natural property right over their bodies. Such a right explains the impermissibility of physical assault on the body, forced labor, and hard paternalism. But it also entails

⁹ Это мейнстримная позиция среди сторонников самопринадлежности, но есть исключения. Гилль Штайнер считает, что смерть аннулирует все права собственности человека, а потому его тело переходит в общественное достояние и, соответственно, может быть использовано для трансплантации [Steiner, 2022: 233]. Такая позиция ближе к презумпции согласия.

¹⁰ Я благодарен Арине Черепановой, Александру Разину, Алексею Скворцову, Екатерине Шкомовой, Василию Устиненко, Дмитрию Середе и рецензентам журнала «Человек» за полезные комментарии и обсуждения, которые помогли улучшить ранние версии этой статьи.

a number of intuitively implausible consequences, such as an unlimited right to sell one's organs or oneself into slavery, absolute property rights in extrapersonal objects, the absence of positive duties to help others, and the impermissibility of even soft paternalism or taxation of labor. Libertarians believe that we must accept these consequences in order to preserve our own coherence. This article formulates and justifies an alternative approach, the principle of bodily integrity. Placed in the broader context of natural law theory, this principle explains and justifies the widespread intuitions without allowing for counterintuitive consequences. It argues that all people have a universal obligation not to intentionally damage basic human goods in their own lives and in the lives of others. Bodily integrity is one such basic good. The advantage of this principle is that it better fits our understanding of the moral status of children and people with cognitive disorders. The article then examines the implications of these approaches for organ donation. While self-ownership suggests radical reforms in this area, including the legalization of commercial markets in human organs, bodily integrity leads to more moderate legislation in this area, which is already in place in a number of countries.

Keywords: self-ownership, bodily autonomy, bodily integrity, libertarianism, paternalism, natural rights, property rights, donation, bioethics, well-being.

For citation: Morozov K.E. Self-Ownership and Bodily Integrity // Человек. 2025. Vol. 36, N 2. P. 73-89. DOI: 10.31857/S0236200725020048

К.Е. Морозов
Самопри-
надлежность
и телесная
целостность

Литература / References

Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 N 4180-1 // Консультант Плюс. 1992. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/ (дата обращения: 21.09.2024).

Zakon RF “O transplantatsii organov i (ili) tkaney cheloveka” ot 22.12.1992 N 4180-1 [Law of the Russian Federation “On the transplantation of human organs and (or) tissues” dated 22.12.1992 N 4180-1]. Konsul’tant Plus. 1992. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/ (date of access: 21.09.2024).

Коэн Дж. Совместимы ли свобода и равенство? / пер. с англ. Д.С. Середы. М.: Свободное марксистское изд-во, 2020.

Cohen G.A. Sovmestimy li svoboda i ravenstvo? [Are Freedom and Equality Compatible?], transl. from Engl. by D.S. Sereda. Moscow: Svobodnoe marksistskoe izd-vo Publ., 2020.

Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. М., Челябинск: Социум, 2020.

Locke J. Dva traktata o pravlenii [Two Treatise of Government], transl. by Engl. E.S. Lagutin, Yu.V. Semenov. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium Publ., 2020.

Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера. М., Челябинск: Социум, 2020.

Nozick R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya [Anarchy, State, and Utopia], transl. from Engl. by B. Pinsker. Moscow, Chelyabinsk: Sotsium Publ., 2020.

- Петти Ф. Республиканизм: Теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
- Pettit P. *Respublikizm: Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism: A Theory of Freedom and Government], transl. from Engl. by A. Yakovlev. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara, 2016.
- Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест / пер. с англ. Б. Пинскера. М.: Новое изд-во, 2009.
- Rothbard M.N. *K novoy svobode: Libertarianskiy manifest* [For a New Liberty: The Libertarian Manifesto], transl. from Engl. by B. Pinsker. Moscow: Novoe izd-vo, 2009.
- Ротбард М. Этика свободы / пер. с англ. Ю. Аристова, В. Жилина. М.: Скрипториум, 2019.
- Rothbard M.N. *Etika svobody* [The Ethics of Liberty], transl. from Engl. by Yu. Aristov, V. Zhilin. Moscow: Skriptorium Publ., 2019.
- Сингер П. Жизнь, которую вы можете спасти / пер. с англ. Т. Эйдельман¹¹. М.: Медленные книги, 2019.
- Singer P. *Zhizn', kotoruyu vy mozhete spasti* [The Life You Can Save], transl. from Engl. by T. Eydelman. Moscow: Medlennye knigi Publ., 2019.
- Скворцов А.А. Филиппа Фут: Проблема абортов и доктрина двойного эффекта // Философия и общество. 2018. № 2(87). С. 124–141. DOI: 10.30884/jfio/2018.02.09
- Skvortsov A.A. Filippa Fut: Problema aborta i doktrina dvoynogo effekta [Philippa Foot: The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect]. *Filosofiya i obshchestvo*. 2018. N 2(87). P. 124–141. DOI: 10.30884/jfio/2018.02.09
- Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака, А.В. Панихиной. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012.
- Finnis J.M. *Estestvennoe pravo i estestvennye prava* [Natural Law and Natural Rights], transl. from Engl. by V.P. Gaydamak, A.V. Panikhina. Moscow: IRISEN Publ., Mysl' Publ., 2012.
- Хольм С., Льюис Дж. АбORTы: аргументы pro et contra / пер. с англ. А.В. Нехаева // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 120–131. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-120-131
- Holm S., Lewis J. Abort: argumenty pro et contra [Abortion], transl. from Engl. A.V. Nekhaev. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istorija. Sovremennost'*. 2024. Vol. 9, N 2. P. 120–131. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-120-131
- Чалый В.А. Философские идеи Канта в политической теории Роберта Ноцика // Кантовский сборник. 2014. № 2. С. 46–52. DOI: 10.5922/0207-6918-2014-2-4
- Chaly V.A. Filosofskiye idei Kanta v politicheskoy teorii Roberta Nozicka [Kant's Philosophical Ideas in Robert Nozick's Political Theory]. *Kantovskiy sbornik*. 2014. N 2. P. 46–52. DOI: 10.5922/0207-6918-2014-2-4

- A Debate Over Rights: *Philosophical Enquiries*, ed. by H. Steiner, M.H. Kramer, N.E. Simmonds. Oxf.: Oxford Univ. Press, 2000. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198298991.001.0001
- Bardon A. From Nozick to Welfare Rights: Self-Ownership, Property, and Moral Desert. *Critical Review*. 2000. Vol. 14, N 4. P. 481–501. DOI: 10.1080/08913810008443570
- Block W.E. Toward a Libertarian Theory of Inalienability: A Critique of Rothbard, Barnett, Smith, Kinsella, Gordon, and Epstein. *Journal of Libertarian Studies*. 2003. Vol. 17, N 2. P. 39–85.
- Brennan J., van der Vossen B. The Myths of the Self-Ownership Thesis. *The Routledge Handbook of Libertarianism*, ed. by J. Brennan, B. van der Vossen, D. Schmidtz. N.Y.: Routledge, 2018. P. 199–211.
- Bryan B. Duty-Sensitive Self-Ownership. *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, N 2. P. 264–283. DOI: 10.1017/s0265052519000487
- Carter I. Self-Ownership and the Importance of the Human Body. *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, N 2. P. 94–115. DOI: 10.1017/s0265052519000384
- Cataldo P.J. The Principle of Double Effect as Preserving Integral Goodness: A Brief Historical Overview. *Health Care Ethics USA*. 2022. P. 3–11.
- Cholbi M.J. Kantian Paternalism and Suicide Intervention. *Paternalism: Theory and Practice*, ed. by C. Coons, M. Weber. Camb.: Cambridge Univ. Press, 2013. P. 115–134.
- Cholbi M.J. Suicide Intervention and Non-Ideal Kantian Theory. *Journal of Applied Philosophy*. 2002. Vol. 19, N 3. P. 245–259. DOI: 10.1111/1468-5930.t01-1-00221
- Christman J. *The Myth of Property: Toward an Egalitarian Theory of Ownership*. Oxf.: Oxford Univ. Press, 1994. DOI: 10.1093/oso/9780195085945.001.0001
- Cohen G.A. *Self-Ownership, Freedom, and Equality*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1995. DOI: 10.1017/CBO9780511521270
- Crowe J. *Natural Law and the Nature of Law*. Camb.: Cambridge Univ. Press, 2019. DOI: 10.1017/9781108653237
- Cudd A.E. Connected Self-Ownership and Our Obligations to Others. *Social Philosophy & Policy*. 2019. Vol. 36, N 2. P. 154–173. DOI: 10.1017/s0265052519000402
- Fabré C. *Whose Body Is It? Justice and the Integrity of the Person*. Oxf.: Oxford Univ. Press, 2008. DOI: 10.1093/0199289999.001.0001
- Feser E. Taxation, Forced Labor, and Theft. *The Independent Review*. 2000. Vol. 5, N 2. P. 219–235.
- Frederick D. Voluntary Slavery. *Las Torres de Lucca*. 2014. Vol. 3, N 4. P. 115–137.
- Fried B.H. *Facing Up to Scarcity: The Logic and Limits of Nonconsequentialist Thought*. Oxf.: Oxford Univ. Press, 2020. DOI: 10.1093/oso/9780198847878.001.0001
- Goldstein J.D. New Natural Law Theory and the Grounds of Marriage. *Social Theory and Practice*. 2011. Vol. 37, N 3. P. 461–482. DOI: 10.5840/soctheorpract201137327
- Grunebaum J.O. Autonomous Ownership. *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate*, ed. by P. Vallentyne, H. Steiner. N.Y.: Palgrave, 2000. P. 48–73.
- Huemer M. Revisionary Intuitionism. *Social Philosophy & Policy*. 2008. Vol. 25, N 1. P. 368–392. DOI: 10.1017/s026505250808014x

К.Е. Морозов
Самопри-
надлежность
и телесная
целостность

- Hurd H.M. The Moral Magic of Consent. *Legal Theory*. 1996. Vol. 2, N 2. P. 121–146.
- Kershner S. A Liberal Argument for Slavery. *Journal of Social Philosophy*. 2003. Vol. 34, N 4. P. 510–536. DOI: 10.1111/1467-9833.00198
- Lippert-Rasmussen K. Against Self-Ownership: There Are No Fact-Insensitive Ownership Rights Over One's Body. *Philosophy & Public Affairs*. 2008. Vol. 36, N 1. P. 86–118. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2008.00125.x
- Mack E. Nozickian Arguments for the More-than-Minimal State. *The Cambridge Companion to Nozick's Anarchy, State, and Utopia*, ed. by R.M. Bader, J. Meadowcroft. Camb.: Cambridge Univ. Press, 2011. P. 89–115.
- Mack E. The Natural Right of Property. *Social Philosophy & Policy*. 2010. Vol. 27, N 1. P. 53–78. DOI: 10.1017/s0265052509990033
- Mack E., Gaus G.F. Classical Liberalism and Libertarianism: The Liberty Tradition. *Handbook of Political Theory*, ed. by G.F. Gaus, C. Kukathas. L.: Sage, 2004. P. 115–130.
- Murphy M.C. *Natural Law and Practical Rationality*. Camb.: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Narveson J. Libertarianism. *The Blackwell Guide to Ethical Theory*, ed. by H. LaFollette, I. Person. Hoboken: Blackwell Publ., 2013. P. 373–393.
- Nussbaum M.C. *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. Camb.: Harvard Univ. Press, 2011.
- Olsthoorn J. Self-Ownership and Despotism: Locke on Property in the Person, Divine Dominium of Human Life, and Rights-Forfeiture. *Social Philosophy & Policy*. 2020. Vol. 36, N 2. P. 242–263. DOI: 10.1017/s0265052519000438
- Radin M.J. *Contested Commodities*. Camb.: Harvard Univ. Press, 2001.
- Sobel D. Backing Away from Libertarian Self-Ownership. *Ethics*. 2012. Vol. 123, N 1. P. 32–60. DOI: 10.1086/667863
- Spafford J. Self-Ownership and the Duty to Assist. *Journal of Applied Philosophy*. 2022. Vol. 39, N 5. P. 857–869. DOI: 10.1111/japp.12595
- Stanczyk L. Productive Justice. *Philosophy & Public Affairs*. 2012. Vol. 40, N 2. P. 144–164. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2012.01212.x
- Steiner H. Left-Libertarianism. *The Routledge Companion to Libertarianism*, ed. by M. Zwolinski, B. Ferguson. N.Y.: Routledge, 2022. P. 229–240.
- Sunstein C.R., Thaler R.H. Libertarian Paternalism Is Not an Oxymoron. *University of Chicago Law Review*. 2003. Vol. 70, N 4. P. 1159–1202. DOI: 10.2307/1600573
- Sunstein C.R., Thaler R.H. *Nudge: Improving Decision About Health, Wealth, and Happiness*. L.: Penguin Books, 2009.
- Taylor R.S. A Kantian Defense of Self-Ownership. *Journal of Political Philosophy*. 2004. Vol. 12, N 1. P. 65–78. DOI: 10.1111/j.1467-9760.2004.00191.x
- Taylor R.S. Self-Ownership and the Limits of Libertarianism. *Social Theory and Practice*. 2005. Vol. 31, N 4. P. 465–482. DOI: 10.5840/soc theor pract 200531423
- Taylor R.S. Self-Ownership and Transplantable Human Organs. *Public Affairs Quarterly*. 2007. Vol. 21, N 1. P. 89–107.
- Teuber A. Kant's Respect for Persons. *Political Theory*. 1983. Vol. 11, N 3. P. 369–392. DOI: 10.1177/0090591783011003004

- Vallentyne P., Steiner H., Otsuka M. Why Left-Libertarianism Is Not Incoherent, Indeterminate, or Irrelevant: A Reply to Fried. *Philosophy & Public Affairs*. 2005. Vol. 33, N 2. P. 201–215. DOI: 10.1111/j.1088-4963.2005.00030.x
- Varden H. Rawls vs. Nozick vs. Kant on Domestic Economic Justice. *Kant and Social Policies*, ed. by A. Faggion, A. Pinzani, N.S. Madrid. N.Y.: Palgrave, 2016. P. 93–123.
- Wheeler S.C. Natural Property Rights as Bodily Rights. *Left-Libertarianism and Its Critics: The Contemporary Debate*, ed. by P. Vallentyne, H. Steiner. N.Y.: Palgrave, 2000. P. 228–246.
- Widerquist K. *Independence, Propertylessness, and Basic Income: A Theory of Freedom as the Power to Say No*. N.Y.: Palgrave, 2013.

К.Е. Морозов
Самопри-
надлежность
и телесная
целостность